

УЧТЕНО
1949
И Л

№
6-й

ГОЛОС

30-го мая
1920 г.

МАКСИМАЛИСТА

Орган Амурского Союза Соц.-Рев. Максималистов.

ИЗДАНИЕ НЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ.

Вся власть, вся земля, фабрики и заводы трудящимся!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРУДОВАЯ РЕСПУБЛИКА!

Революция в опасности!

Империалисты и банкиры готовят предательский удар трудящимся!!

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
ВРХ ЦК ВКП(б)

Товарищи рабочие, партизаны и крестьяне ввиду предст. мирных переговоров-
требуйте немедленно съезда советов!!

Все в коем бьется сердце революционера будьте на страже!

Да здравств. Социалист. Революция!

Революция в опасности.

Дорогой ценой, ценой крови добыта рабоче-крестьянская власть в Амурской области. Непролазные лебри тайги, шумные воды Амура, скрыли в своих недрах не мало жертв борцов, выступавших в неравную битву с миром зла и насилия. Огромные жертвы принесла трудовая масса на алтарь свободы; и после гигантской борьбы безоружные партизаны и крестьяне, все же вышли победителями и установили снова власть труда. Кошмарный период атаманины отходит в область преданий, и только сгоревшие и разрушенные развалины Ивановки, Красного Яра, Мазаново Сохатино и др. деревень напоминают кровавый памятник прошлого.

Но не хочет, кичливый враг добровольно, сдать свои позиции. Он снова, плетет сети трудовому народу, так как его чудовищные орудия, грохочущие дни и ночи бессильны сломить, или запугать революционную волю народа, сознавшего свои права.

Враг безконечно жесток и коварен.

Пораженный в открытом бою, он хочет при помощи словесного тумана и всевозможных политических авантур, обмануть трудовой народ.

Не взяв силой, так возму хитростью, так думает международный империализм. И вот на сцену выплывает план создания буферного государства, план громоотвода в виде пресловутой „демократической республики“, чтобы ею оградить буржуазно полицейский строй от заразы социальной революции, проникающей сквозь все щели, и зажигающей кровавым пожаром здания старого мира. Японцам и всем

мировым интервентам, советская власть приятна так же, как черту лада.

И они напрягают все усилия, чтобы нас, или победить, или обмануть.

Мы думаем, что эта затея им не удастся, так как она шита белыми нитками.

Народ знает, что новоиспеченное временное правительство во Владивостоке—антинародное, не трудовое, и поддержки ему не окажет, так как стоящие там у власти—царские генералы Болдырев и ко. допускающие возможность переговоров с народным палачем генералом Войцеховским в Чите, говорить от имени обезкровленного народа — не могут.

Пусть они не мечтают, что благодаря временному затруднению, в котором сейчас находится Советская Россия им удастся восстановить коалиционную власть земцев.

Трудовая масса Дальнего Востока, вступая себя частью Советской России, связанной с нами узами борьбы и страданий будет чутка к голосу пролетариата России, она откликнется на зов трудовых советов.

Она пойдет, быть может, даже на некоторые уступки, но оружия не сложит. И лишь только наглый японский жандарм, вздумает посягнуть на завоевания трудовой революции, рабочий класс встанет—как один, грудью против врага.

Мы завоевали свободу дорогой кровавой ценой и добровольно ее не отдадим. Мы бодрствуем, ибо знаем, что революция в опасности. Мы готовы ко всему.

Народ не может согласиться с мнением политиканов на признание буферного государства, ибо это затея нам чужда — это детище буржуазии.

Но стоя перед совершившимся уже фактом его образования, трудовая масса, во имя сохранения единства революционного фронта, будет временно терпеть это новое зло до тех пор, пока оно не станет показывать свою предательскую физиономию. В противном же случае, мы с оружием в руках пойдем на баррикады за те идеалы, за которые мы страдали и боролись в тайге и сопках.

Русский трудовой народ умеет умирать, умеет побеждать и бороться.

Смотрите на маленький г-Николаевск — центр нашей далекой окрестности. Там народ, услышав клич: „Революция в опасности“ — встал на ее защиту. Все население от 16 до 55 лет мобилизовано. Создан

фронт труда, в помощь военному фронту. Нет паразитов и тунеядцев, так как все работают для спасения свободы и пользуются общими благами в равной мере. Там коммунизм проводится в жизнь не на словах, а на деле.

Жизнь кипит... гремят орудия, грохочут станки, стучат машины, вырабатывая порох, снаряды, патроны и одежду.

Все для защиты Советов!. Никто не думает о порождении, всех вдохновляет жажда победы.

Там народ требует своих прав не с шайкой в руках, а с винтовкой на перевес. И он победит!

Все кому дорого дело свободы и революции, не отчаивайтесь, не вносите панику. Выдержка и готовность к борьбе — это ваш долг.

Революция в опасности, но есть еще порох в пороховницах.

Жуковский.

П р я м о к и е л и.

Беспределенными страданиями, обездоленных всего мира, жертвами всех своих борцов — мучеников, и трудами великанов всемирной социалистической мысли заглохло наше социалистическое учение и свет его не погасить, — ни грязью клеветы и лжи, кидаемой в нас подлой буржуазией ни черному покрывалу, сотканному из лжи научных построений и грубых издевательств половинчатых социалистов...

Пусть сотни писак, из буржуазных листов в издании твердят о том, что максимализм — это «руки вверх», — это дуван награбленного и т. д., но спокойной поступью идет Володя Мазурин на эшафот, и грязь кидае-

мая в него вадает и покрывает собой кидающих... «Руки прочь», — говорит палачу Соколов — Медведь, и эти слова относятся ко всем палачам и клеветникам... Клевета не коснется людей, которые героической смертью, перед лицом всего мира, закончили славную жизнь борцов за народное освобождение в полполье, полную лишения и страданий...

Пусть ваши товарищи минималисты, и их присные, в целях агитации против максимализма, подхватившие чужую песенку о том, что капиталисты еще нужны в производстве, что социализм, не дай Бог какая сложная штука, пусть эти половинчатые социалисты, не призна-

ющие все таки возможность у нас в стране перехода земледелия и природных богатств в общественное владение всей земли и ее недр — называют нас демагогами...

Пусть так!

Мы максималисты считаем, что никакие демократические республики, при сохранении частной собственности на средства и орудия производства, не освободят трудящихся от эксплуатации, не сделают человечество способным к осуществлению великих идеалов, требующих взаимного доверия и любви между людьми....

В чем же залог победы, торжество трудовой революции?

— В правильной организации. В организации власти, — *единой советской власти*. Все в стране должно перейти в руки Советов. Нужно упразднить все, что не подчиняется ведению Советов.

В организации продовольственного дела. Советские комиссии должны взять на себя товарообмен и снабжение, с упразднением частного-торгового аппарата, с установлением твердых цен, как на городские, так и на сельские продукты. *Вся страна должна перейти на общий котел.*

В организации промышленности и транспорта. Вся капиталистическая помеха должна быть без колебания устранена. Хозяин — народ через свои Советы берет в руки производство, землю, фабрики, магазины, капиталы, ставит то производство, которое нужно и выгодно для народа, распределяет рабочие силы, уничтожает всякий вид паразитизма...

В организации защиты революции. Делу борьбы с капиталистическим строем и со всякого рода соглашательством, политическим, экономическим — делу организации трудящих-

ся в единую революционную боевую единицу (всеобщее вооружение трудящихся), вокруг избранных ими Советов, делу разоблачения всяких подвохов, интриг, нарушающих права трудового народа, затемняющих его сознание, угашающих его дух — мы обязаны посвятить свои силы.

За трудовой переворот стоят рабочие, крестьяне, солдаты России и станут все народы, куда перекинется революция. И он свершится, но путь тернист и труден, и полон опасностей.

Только борьбой можно добиться народу всех своих богатств, кровью и потом заработанных, столетиями непрерывного труда, и обманом, или силой отнятых кучкой тунеядцев! В борьбе растут и крепнут силы; борьбой выковывается прочная, как броня, организация среди рабочих, сличившая их не будничными интересами копеечных прибавок а высшими идеалами Царства Труда.

Только сплотившись и закалив себя непрерывной борьбой — трудящиеся покончат раз на всегда и с капиталистами всех сортов и видов, и с правительством, охраняющим, как верный пес — землю, фабрики, заводы, копи, рудники и сундуки богачей...

Тени замученных, запоротых, расстреленных товарищей — пусть будут грозным укором для нас.. Мы же товарищи — сказав вечную память павшим в борьбе, будем организовываться, строится в ряды, что бы с удесятеренной энергией снова кинуться в бой — за землю, фабрики, заводы, за рудники, копи, за полную волю и долю, и власть трудового народа.

Испол. Бюро Союза С. Р. Максималистов.

З а в е т.

Мои мечты.

Братья—рабочие, сыны счастья
Труден тернистый наш путь.
Вечно невзгоды и бури ненастье,
Некогда нам отдохнуть.

Братья—рабочие, гордо и смело
С знаменем красным вперед!
Ждет впереди нас великое дело,
Много нам будет забот:

Рушится здание старого мира,
Гнет притаился, затих,
Падают троны, блекнет порфири—
Ройте-же яму для них!

Братья—рабочие, смело, проворно
В этой последней борьбе,
Только трудом неустанно, упорно
Выкуем счастье себе!

Братья—рабочие, минет невзгода.
Прочь малодушный страх!
Помните, милые,—дело свободы
В собственных наших руках.

(Р. Ж.)

Жуковский

Сидя в Петропавловской крепости
я часто уносился мыслью в Сибирь.

Суровая Сибирь! Тебе я был чужой,
Но рвались к тебе мои молодые годы:
В тюремной камере мечта была порой
Про прелесть дикую нетронутую
природы.

Дышалось тяжело в тюремных мне
стенах,

Наивное дитя блистательной столицы,
Я думами бродил в запущенных лесах.
Завидовал тогда я крыльям вольной
птицы.

Сбылись мои мечты и вижу я Сибирь:
Могучие хребты в незыблемом покое,
Дремучую тайгу, степей безбрежных
ширь

И чувствую зимы дыханье ледяное.
Как много девственно-суровой красоты!
Но отчего-ж душа тоскует без при-
чины?

Скажите мне, зачем солгали вы, мечши,
Рисуя предо мной волшебные картины?..

Ноля Максимальист.

Коммунизм как программа.

Остановка в осуществлении маневра
означает его неудачу.

Она ведет к признанию его негодности и отказу целей, ему поставленных. Революционным социалистам, взявшимся руководить ходом нашей революции, казалось бы не нужно доказывать того, что наша революция—социалистическая, что ее самая ближайшая цель—организация власти—неимущими для экспроприации имущих и уничтожение вместе с правом собственности самой государственной власти.

Немедленное и полное уничтожение права собственности—главнейший лозунг социалистической революции.

Право государства на смертную казнь—«гуманное» право частной собственности—эту простую истину надо понять людям, называющим себя социалистами...

Распределение благ на основе права собственности всегда было причиной медленной, или катастрофической гибели масс жизни и недоеданий, антисанитарных живущих? в голоде, эпидемиях и т. д...

Право собственности зло во сто крат ужаснее и губительнее для общества, нежели право казни...

Уничтожение казни—диктуется правом личности, уничтожение собственности—правом общества. Ни один из институтов права собственности, как ни один

из видов смертной казни не может быть терпим в „свободном обществе“, — в трудовом союзе...

Пора понять социалистам, стоящим „у власти“, что их революционное творчество — только экономическое строительство...

Никакой политики, никаких специфических вопросов о „строительстве власти“, — ее сила, принудительных аппаратов для них быть не должно, это удел буржуазных революций и занятие цеха «мастеров эксплуатации»...

С тех пор, как у власти в России стал труд — вместо капитала — власть над людьми — заменяется властью над вещами...

Если можно говорить о — „политических задачах“ общественной власти, так это только о мерах к тому, чтобы „власть“ — как насилие и посягательство над личностью — нигде, никогда и ни — кем не проявлялась...

Так следует понимать не только мысли Маркса — Энгельса — о старом государстве и новом обществе, но и учение о власти анархистов — коммунистов.

Мысли Крапоткина хорошо, например могут уложиться в слова Энгельса о том, что „общество, которое по новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправить всю государственную машину туда, где его будет настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором“... «когда», как говорится в «коммунистическом манифесте» — «на месте старого буржуазного общества с его классами и их антагонизмами — возникает ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»...

Но рядом с этими ясными и бесспорными положениями в писании великих коммунистов, есть неясные и слабые места, и как раз в самом важном вопросе о процессе окончательной ликвидации государства.

Верно говорит Энгельс, что «первый акт в котором государство выступит действительно, как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества — является в то же время последним самостоятельным актом его, как государства»...

Вмешательство государственной власти в общественные отношения стано-

вится тогда в одной области за другой излишним и само собой отмирает.

Но — вот место в „Коммунистическом манифесте“, — где эта мысль крайне неудачно развита: „пролетариат исполняет свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все другие производства в руках государства, т. е. организованного в господствующий класс пролетариата и возможно скорее увеличить массу производительных сил...”

Разве в процессе революции допустима постепенность выживания власти, самого ее источника (право собственности) из рук сопротивляющегося врага — буржуазии.

Разве целесообразно и даже возможно централизовать все другие производства в руках государства, когда сами массы их — за обладание ими и борются, а новая власть должна встать на путь разрушения государства?....

Разве по силам этой централизованной власти скорее увеличить массу производительных сил?

Эти положения не только не выдерживают критики, но и противоречат предыдущему утверждению Энгельса о том, что акт государства — взятие во владение средств производства от имени общества, является и в то же время последним самостоятельным актом его — И, очевидно, — это взятие от имени общества неизбежно должно произойти, как раз для того, чтобы по новому организовать производство — на основе свободной и равной ассоциации производителей. Ясно, что им останется государство, как и „другие угнетения“ даже при бесклассовом обществе и будет государственный капитализм (а не социализм), или образуется союз трудовых коммун и социалистическое общество, как общежитие на основе равного права на жизнь и труд...

Средины и никаких „переходных форм“ и даже эволюционных „периодов“ между этими формами быть не может, как третьего принципа хозяйства между капитализмом и социализмом.

Уничтожение права собственности и организовать институты права всеобщего пользования достоянием общества и содействие каждому, пользоваться своими силами в наибольшей мере и к на

ибольшей пользе общества—такова истощающая формула задач нашей социалистической революции...

И все, что содействует осуществлению этой задачи, необходимо делать немедленно и в полной мере: дабы остановкой, перерывом, неминуемым при этом расстройством единения сил, бесплотной траты и понижением порыва, воодушевления не подвергать крушению успешного дела...

Необходимо все силы приложить к этому, чтобы конкретно наметить ряд неотложных и главных мер к обеспечению успеха революции и всеобщей

перестройки общественной жизни на новых началах, прийти о них к соглашению и принять единую программу коммунизма (не коммунистов), как программу, максимум для данного момента.

Эта программа должна быть программой не только для партии, но и для класса трудящихся, для общественной власти и для каждого члена нового общества.

Девизом такой программы должна быть та мысль, что воодушевляет в борьбе и сопутствует ее успеху—«прямо к цели»...

Во имя чего заключать мир?

Странный вопрос! Во имя того, чтобы не было массового истребления людей, чтобы не было оставленных сирот, чтобы не было грабителей тыла. Война—это другое дело, она явная нелепость, которая неизвестно ради чего ведется. А мир—это нормальное состояние людей.

Война—зло; мир несомненное благо. Война—явление не нормальное; мир нормальное состояние общества. Война—губительная вспышка противообщественных инстинктов; мир—дружеское сожительство людей на процветание культуры, искусства и науки.

Все, что здесь сказано о войне, есть лишь бледная, куцая правда. Даже нет слов, чтобы выразить то зло, ту мерзость запустения, которые война несет с собой. Война—страшнейшее, величайшее зло.

А мир?

Можем ли мы, с такой же ясностью определить его положительные стороны, как определяли отрицательные стороны войны. Мир—благо; мир нормальное состояние общества и народов; мир—это дружеское сожительство людей на благо культуры, искусства и науки; мир—это полезный труд большинства народа.

Можем ли мы все эти прекрасные качества, приписываемые миру, с чистой совестью признать верными и справедливыми.

Нет, не можем.—Почему.—Потому, что мира, мира—блага, мира содружества людей, нет, и тысячелетиями, извурен-

ное человечество не знало такого мира ни на одну секунду.

Нет войны... Царит мир... а последнюю корову, последнюю лошадь, без которых хозяину никак не удержаться, тащат на продажу для уплаты податей. А эти подати, главным образом, идут на содержание громадных армий, на приготовление ружей, через каждые несколько лет приходящих в негодность, благодаря изобретению кем-нибудь новой системы; на изготовление снарядов и пушек и т. д. То есть для войны.

Нет войны... Царит мир... а каждый год деревенские и городские улицы, оглашаются раздирающим душу воплем миллионов матерей. По ком они плачут. Ведь нет войны. Ведь мир. Плачут они по своим сыновьям, выросшим с болью, с муками, а теперь кто то беспощадный, сильный отрывает их от родного дома и посылает их, Бог весть, куда и зачем.—Куда и зачем?—В чужие края, подальше от нас, в казармы, чтобы учить их вернее убивать людей, чтобы учить их войне.

Плачет, сокрушается мать: „вернется ли родимый? Он ведь только что в силу вошел, подмогой старым стал“. Вернется то, может быть, и вернется, но плохая вам от него будет подмога: придет или сифилитиком, или алкоголиком, и во всяком случае тунеядцем, с презрением к крестьянскому труду. Мир... а на самом деле война, во имя войны губят цвет крестьянской и рабочей молодежи,

отрывают на целые годы от производительного труда.

Нет войны... Царит мир... а чуть ли не каждый день, то здесь, то там разстреливают сотни обездоленных, которые осмелились скопом, забастовкой заявить, что самые простые человеческие права, попираются внутренними захватчиками, мироедами.

Нет войны. Мир царит. Люди заняты производительным трудом... а во всех больших промышленных центрах сотни тысяч здоровых мужчин и женщин ищут работы, но не могут найти. Это называется хронической, постоянной безработицей.

Нет войны... Царит мир... а кругом днем и ночью голодные и озлобленные люди душат друг друга, подкалывают, подстреливают, отравляют.

Нет войны... Царит мир... а концентрационные лагеря пленных „мирного времени“: тюрьмы, каторги, арестантские роты, гауптвахты, дисциплинарные батальоны—всегда переполнены.

Нет войны... Царит мир... Работают, наслаждаются миром... а чьи то жены, сестры, дочери, малолетние девочки выходят на улицу продавать свое тело и душу за кусок хлеба и за право на жизнь... за право физического разложения от болезней и быть беспресловенной рабой хозяев „домов“ или своих личных „друзей“—„котов“.—Нет войны. Царит мир, а кругом грабят народ, под видом взимания податей, калечат народ в казармах, расстреливают забастовщиков, не дают работы желающим работать, заповсюду «концентрационные лагеря», падает проституция.

Какой же это мир, если слышется только стоны раздавленных, если раздаются отчаянные крики павших, если лица дышат лишь злобой и выражают одно лишь отчаяние бесповоротно осужденных на гибель? Это война, но война, в которой страдают и падают все одни и тоже: рабочие и обездоленные крестьяне, их жены и дети. А торжествуют так же одни и те же: фабриканты, заводчики, помещики, купцы, миреды, профессора, адвокаты и др. эксплуататоры. Они всегда в выигрыше, они всегда торжествуют.

И вместе с псалмопевцем хочется крикнуть: „Господи! доколе будет длиться это беззаконие?“

Русский трудовой народ! Народы мира! Неужели не положите немедленный конец царящему безобразию, вековому издевательству над вами, над вашими женами и детьми, над самым сокровенным вашей души и вашего сердца—над вашей совестью?“

Смотрите, что «они» делают в тылу, в то время, когда вы сидите в окопах и истребляете друг друга: они, упитанные, краснощекие, спокойно наглые, разъезжают в шикарных колясках с раззолоченными выездами, со своими любовницами, а в это время из вас сотни тысяч теряют свои руки и ноги.

Ведь это издевательство над вами, народ!

— Они с их женами одеваются в блестящие, дорогие одежды, стоящие бешенные деньги. Наглые физиономии,—бесстыдная одежда; золото заменили брильянтами. А ваши жены и дети голы и босы, нет ни платья ни обуви.

Это издевательство над вами, народ!

— Они пируют, пьют шампанское, едят такие изысканные блюда, названия которых вам даже непонятны; но за них платят баснословно—высокие цены. А ваши жены и дети в это время пухнут с голоду. Народ, в полном смысле слова, умирает голодной смертью. Это пир во время чумы. Это явное издевательство над вами, одуроченные и поработанные народы.

И это происходит не только теперь, во время войны, но и во время глубокого „мира“. А происходит это потому, что нет мира на той земле, где кучка сильных захватила в свои руки все источники жизни: земли, рудники, леса, озера, реки, заводы, фабрики, денежные капиталы. Нет и не может быть мира на той земле, где вместе с источниками жизни они захватили и власть над людьми, создав из войск, т. е. из того же запуганного и загнанного народа, себе сильную опору. Не может быть мира там, где захватчики богатства и власти дают и душат все обездоленное население. Здесь не мир, а непрерывная война одной кучки захватчиков против всего народа.

Этой вечной, для нас всегда гибельной войне, мы должны положить немедленно конец.

Положить конец... но кто положит и как это сделает.

Нас так душат на фабриках и имениях, в мастерских и в поле, в казармах и дома, что мы потеряли всякий образ человеческий. Или мы со всем безграмотны и питаемся только темными слухами, или если умеем читать, то читаем не то, что может просветить наш темный ум, а всякую билиберду, которая стряпается специально для нас буржуазией. Это какие то кровожадные романы и статьи, полные ужаса, которые нас разбитых и запуганных, еще больше запугивают. В своих газетах буржуазия натравливает одну нацию на другую, один народ на другой. «Тебе, мол, живется плохо, а во всем виноват проклятый наш сосед: немец француз, англичанин, русский и так далее. Вот спихнуть бы его с занимаемой им земли, которая собственно, по историческому праву, принадлежит нам, и всем будет хорошо». И, к нашему стыду, мы им часто кричим „ура“...

Как только появится благоразумный человек среди нас и начнет нас учить настоящему уму разуму, буржуазные газеты его начинают травить и высмеивать, как вредного фантазера и изменника отечеству. А мы в ответ гогочем и кричим «ату егс».

В духоте жизни, окружающей нас, мы потеряли всякое сознание своего достоинства, своего права на сносное человеческое существование. Мы стали трусами. Трусость — это один из главных наших пороков; это наша цепь, наша казала. Да, мы бываем храбры, даже настоящими героями; но это тогда, когда отстаиваем чужое дело, дело командующих классов. Действительно, одетые в солдатские мундиры, мы готовы разбить и другим голову, по первому приказанию какого-нибудь начальника. Но совершенно становимся в тупик, когда „дома“ приходится защищать свои собственные интересы. Мы делаемся нерешительными, неуверенными.

Почему это происходит? Почему мы трусы, как защитники своего родного дела, в борьбе с своим внутренним врагом — своей собственной буржуазией, и герои в борьбе за эту же буржуазию с другими народами, одетыми как и мы в солдатские доспехи.

Можно считать причиной этого печального явления следующие два обстоятельства: 1) в каждом из нас живет

кровожадный зверь, которого современная буржуазная культура, не только не укрощает, не старается уничтожить, а наоборот, питает его натравливанием одного народа на другой, одной национальности на другую; разжигает его своей бульварной прессией, которая к несчастью, одна и царит в рабочих кварталах (вся она занята романами и хроникой уголовного содержания); тоже делает и буржуазная сцена.

И вот, подкормленного и выдрессированного зверя и пускают на другого такого же обделанного зверя... и международная бойня готова. В этой бойне, называемой войной, и попить чужую кровь на законном основании возможно, да еще пожить на счет соседа — пограбить сейчас, надеясь, кроме того, получить при дележке чужой кусок земли, или что либо другое. А за все эти подвиги разбойника быть причисленным к лику героев, а в случае смерти и к лику святых. На трусости перед властью, на жадности к чужому добру и на жажде крови „ветхого“ человека зиждется война.

Но эта безмерно жестокая, трехгодичная бойня, захватившая в свою сеть весь мир, несет с собой и исцеление от величайшего кошмара войны. Она показала вам, народы, во что обошлась вам наша жажда чужой крови; вы все изопили кровью; она показала, до чего довела жадность к добыче, к чужому добру: вы все, кроме капиталистов, раззорены. Война принесла вам одну лишь смерть, одно разрушение, отчаянную нищету и никаких благ.

Воочию стало ясно, к чему ведет старый закон жизни: „человек человеку волк“. Если мы хотим сохранить человечество от полного одичания и даже истребления, то нами должен быть воплощен в жизнь новый закон, формулированный еще две тысячи лет тому назад, Христом, и разработанный международным социализмом: один за всех, все за каждого. Братство внутри каждого народа, основанного на уничтожении классов трудящихся овец и командующих стригунов. Единный народ трудящихся. Братство трудящихся освобожденных народов. Трудящиеся всех стран, соединяйтесь!

Второе обстоятельство, мешающее народам отстаивать „дома“ действительно

свои интересы, заключается в следующем: народ в мирное время безоружен, разьединен, без истинно революционных, с военной выучкой вождей. Каждый предоставлен самому себе, своему горю, своей нужде. Живет в каждом из нас тоска по воле, настоящей, полной; но тоска эта безыльна: перед глазами каждого из нас в «мирное время» стоит несокрушимая организация буржуазии, ее прессы, ее парламента, муниципалитетов (городских дум), защищенной прекрасно выдрессированной полицией и жандармерией и целым лесом штыков, нами же выкованных и против нас направленных. И в нас вселяется сознание безвыходности и полное отчаяние. Мы падаем духом. Ведь мы никогда не были победителями, а всегда побежденными.

Но в данном случае, война принесла с собой противоядие. В настоящий момент весь трудящийся люд всего мира стоит под ружьем. Пушки бомбометы, ручные гранаты в его руках.

Все продовольственное дело страны и армии, как торговлю, так и выработку продуктов первой необходимости, взять в свои организованные руки.

Но это только начало. Надо немедленно же уничтожить в корне, причину всех войн, всех внутренних и мировых раздоров: надо уничтожить класс буржуазии. Не к истреблению ее я призываю, а к тому, чтобы отнять у нее то страшное орудие, которое дает ей возможность держать всех нас в вечном страхе за свой кусок хлеба, за завтрашний день за свою свободу; которое как волшебная палочка, дает ей возможность в один миг поставить на ноги миллионы людей против других миллионов, на защиту рынков для своих товаров.

Что это за страшное орудие, дающее такую колоссальную власть над людьми?

Это—право частной собственности на источники жизни людей: на землю ее недра, леса, дома, фабрики, заводы, орудия производства, машины с хлебом и другими продуктами первой необходимости.

Это варварское право должно быть немедленно уничтожено, как уже уничтожено право покупать и продавать людей. Вместо этого права, следует установить право распоряжаться народным добром всему организованному вокруг Советов народу.

Советы на местах пустят в ход все предприятия на новых социалистических началах; а общенародный Совет урегулирует взаимные отношения между разными городами и областями. Он возьмет в свои руки те отрасли производства, которые важны для всего народа: нефтяные промыслы, рудники, жел. дор. Будет создан международный Совет, для улаживания международного обмена.

Вы трудящиеся, обездоленные, истомленные дсма и в окопах, вы поймете эту необходимость—положить немедленно конец власти злейшего врага мира народов—буржуазии. Но многие из признанных вами же вождей скажут: это нелепость, неосуществимая фантазия, больной бред, скажут даже—это провокация.

Народы! Если—бы несколько раньше вам кто—нибудь предсказал русскую революцию с переходом всей власти на мсгах в руки Советов—рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с полным уничтожением полиции и жандармерии,—разве вы поверили—бы? „Сумасшедший, фантазер, провокатор“ был бы ваш ответ. Но наша революция есть совершившийся факт. Мощным усилием воли совершил эту революцию вооруженный народ: пролетарий и солдат.

Напрягите и вы, народы, вашу волю к жизни, к власти над миром, напрягите и сбросьте иго кучки хищников, мешающих наслаждаться жизнью всему миру. Не пропустите момента: кончится война, вас обезоружат, и над калеками, нищими и безработными, будут еще больше издеваться, чем прежде.

Сейчас, а то будет поздно!

Солдат Зегерин.

Организация а не партия.

Для всякого дела необходима организация. В организации всякий член находится на своем месте, делает свое дело, и от согласованности действий всех членов, зависит и успех организации.

Для верного торжества социалистической революции необходимо, чтобы трудовой народ был организован на фабриках, в деревнях, в казармах. Безразличия партии. Все трудящиеся.

Рабочие меньшевики и большевики, минималисты и максималисты, „оборонцы“ и интернационалисты, одинаково страдают от гнета капитала, одинаково заинтересованы, чтобы масса выступала не слепо и не служила игрушкой ни в чьих руках; они хотят освободиться от гнета капитала и жаждут скорее достигнуть социализма. Значит, в главных целях ничто не разделяет рабочего меньшевика от большевика. Только они не согласны в путях и средствах, но тем, кто уверены, что их программа верна, нечего бояться выслушать и чужое мнение, и бороться меж собой братьям по труду, по страданиям и по общей цели не для чего.

Для победы, для успешной борьбы, трудовой народ должен объединиться вокруг его советов в беспартийную организацию. Беспартийную, так как примкнув к одной партии, этим закроется доступ несогласным с ее программой, или тактикой и произошло бы дробление сил.

Беспартийную еще и потому, чтобы не подчиняться слепо решению какого нибудь партийного цента.

Для подготовки социалистической революции мы, максималисты образовали организацию, ставящую перед собою две главные цели.

1). Активное содействие трудовому народу в деле его братского объединения вокруг его классового представительства, т. е. вокруг советов рабочих, солдат и крестьян, и вокруг фабрично-заводских комитетов.

2). Разработку и пропаганду основных идей революционного социализма.

Содействие должно выражаться в выяснении, для трудовых масс общности их интересов, в борьбе со всем тем, что выносит рознь и разложение в трудовую семью, в облегчении всем активным, разумным и самостоятельным силам трудового народа возможности разобраться в сложных вопросах окружающей жизни и как можно скорее выяснить себя.

Мы не верим в то, что какая-нибудь группа лиц, захватив власть в свои руки, может облагодетельствовать народ, может ввести трудовую республику. Для нас социальный переворот требует объединения заинтересованного в нем трудового народа и перехода всей капиталистической собственности в руки всех трудящихся. Тогда все лица, находящиеся на службе у капитала, перейдут на службу народу, которому через его ответственных перед ним избранных будет принадлежать контроль над деятельностью лиц и учреждений.

Не большевики, не максималисты, даже не просто социалисты, а люди дела, без различия взглядов, убеждений и партии, будут строить новую жизнь, выполняя каждый, принятую на себя задачу.

Раз ни революция, ни социальное строительство не могут быть делом только одной какой либо па-

ртии, раз мы сами себе не ставим цели захвата нами власти насильственным ли путем, или путем участия в выборах, а мыслим все через народ, нам не для чего составить из себя партию, т. е. группу лиц, объединенных общностью взглядов (программой мировоззрением), но нам необходимо организовать группу деятелей, могущих плодотворно выполнить вышеуказанные две цели, не партию, а организацию.

В виду того, что противоборствовать нам будут в достижении этих целей все враги рабочих—капиталисты, банкиры и собственники, имеющие в своем распоряжении громадные средства насилия и развращения, организация наша должна быть крайне разборчива в подборе членов.

Мы должны оберегать себя от людей вредных, не надежных, от болтливых и легкомысленных.

В виду того также, что буржуазные классы могут поставить так остро социальный вопрос, что трудовому народу нельзя будет разрешить его иначе, как крайними насильственными мерами, в нашей организации не должно быть лиц, примиренчески настроенных к правящим классам, не должно быть соглашателей, дабы в решительный момент, они не ослабили духа в революционной трудовой армии.

Строгость нашего Устава не исключает того, что мы с благодарностью примем содействие нам, сочувствующих людей, но в интересах дела в нашу организацию, как во всякую идейную организацию, преследующую практические цели должны вступать только люди убежденные, деятельные и отвечающие запросам самого дела, безпартийной организации масс и пропаганды социальной революции

„Т. Р.“

Ривкин (Н. И.)

Б о г а ч а м.

Веками вы давили нас. Морили голодом, истязали, убивали миллионами на войне.. Меняли на собак, гноили в тюрьмах, высасывали кровь и били, били, нещадно били!..

Наших женщин и девушек, сестер и невест, вы позорили и наполняли дома разврата...

Вам принадлежало право первой ночи...

Бросая голую, обглоданную кость голодным, вы умилялись душою, что делаете милосердие и сострадание.

За это вы ждали награды на небе.

Везде торгашество, везде расчеты!..

Ваш бог капитал, ваша религия нажива, совесть продана дьяволу, а душа подобна старому кошельку, наполненному фальшивыми купонами.

Жестокие, бездушные, тупые, вы презирали нас, издевались над безоружными, били лежащих...

Но когда пришли полчища чужеземцев, таких же бездушных, как и вы, и грозили отнять ваши капиталы,—помощи вы искали у нас. Трусливо сгибая спину, вы заискивали перед нами, говорили о родине, отечестве, патриотизме, которым грозит враг. Вы называли нас братьями, и мы, обманутые, верили

вам. И шли, шли без конца умирать за вас.

Голодные, мы выставляли наши груди против пушек и пулеметов врага, мы брали массой, загораживали дорогу горами трупов выше Карпат и Альп... Мы были слепы... Мы были слепы потому, что когда чужеземцы уходили—вы снова издевались над нами.

Но теперь мы прозрели. Мы устали терпеть... Разрушили ваши тро-

ны, разорвали цепи, сожгли паучьи гнезда и стали свободны.

Наш бог—свобода, наша религия—любовь, наша цель—равенство!

А теперь, теперь вы сами призвали на нас чужеземцев...

Горят селения..... опустошены нивы, но истина бессмертна!

Все простится вам, но грех Иуды—никогда!

Жуковский.

Кое-что о максималистах.

Русская революция, по своей материальной основе и по идейным факторам, представляет собою революцию трудовую, социалистическую.

Долг революционера социалиста, употребить все усилия для того, чтобы развить необходимое для этого количество сил и поднять до известной высоты их качество, чтобы обеспечить победу труда над капиталом. Долг борца—поднять до своих требований, до требований, отвечающих интересам трудового класса,—конкретную действительность, приспособляясь к ней не в своих требованиях, а в форме, в приемах пропаганды, разъяснения этих требований и борьбы за них, приспособляясь не в программной части, а только в тактической.

Самое название „максималист“ появилось в противовес минималистам, в смысле отрицания для революционной борьбы минималистских лозунгов в области рабочего вопроса. Ни в коем случае максималисты не думают „одним наитием революционного вдохновения“—осуществить социалистический строй тем более „немедленно“.

Для нас, социалистический строй осуществится не в период революционной борьбы и не путем революционной борьбы, а только в процессе организации его силами самого трудового класса, т. е. в периоде после—революционном.

Целью массовой революции, быстро вовлекающей в революционную борьбу все трудовые слои населения, которые в процессе этой борьбы, вынуждены быстро выяснять свои позиции, мы максималисты считаем необходимым завоевать, только необходимые условия, для организации будущего трудового строя. Такими условиями, на наш взгляд, при условии существования советской власти, является передача земли и средств производства, в руки трудового народа. После этого, трудовой класс начнет организацию строя в своих интересах, в интересах труда, тогда как существовавший до сих пор строй, организован не трудовым классом и в интересах не труда, а эксплуатации.

Относительно национализации крупных предприятий общественного характера, мы должны сказать, что

концентрацию хозяйства, желательно и возможно соединить с правом мелких территориальных, самоуправляющихся единиц на участие в распоряжении им, причем рабочие в социализированных предприятиях сами заведуют им. под верховным контролем Советской власти.

Мы максималисты говорим: производительные силы могут и с гораздо большим успехом развиваться и под руководством трудового класса; поэтому незачем оставлять их в ведении г. г. капиталистов; мы говорим. если вы считаете возможным коренной переворот в области политических и земельных отношений, то вы должны, при настоящих русских условиях, признать его возможным и в области промышленных производственных отношений.

Мы вовсе не отрицаем возможности, лишь частичных завоеваний, но мы говорим, что когда идешь на баррикады, думай не о поражении, а о победе! Мы говорим: условия борьбы таковы, что класс труженников вступил на борьбу с классом эксплуататоров и не на живот, а на смерть. Кто кого сметет! Если мы, эксплуатируемое трудовое большинство, то мы должны целиком использовать в своих интересах победу, а не оставлять возможность для нового расположения новых эксплуататоров. Если нас победят, условия мира продиктует победившая сторона, а не мы.

Но теперь победителями является трудовая масса, поэтому необходи-

мо сейчас же уничтожить эксплуатацию человека человеком.

Уничтожение всякой эксплуатации всегда своевременно в глазах труженника, живущего своим трудом и, следовательно, всегда обладающего и трудовой психикой, необходимой для организации трудового строя, и всегда преждевременно в глазах эксплуататора. В глазах социалиста—это самая насущная и настоятельная потребность, тогда как для филантропа—эксплуататора, такой явится лишь незначительная починка, на истаскавшемся платье.

Вот что говорят максималисты и вот к чему они призывают. Их боевой клич:—класс против класса,—долгой всех эксплуататоров, их призыв труженники, организуйтесь сами в своих интересах; идите в бой за землю, за фабрики, и заводы, за общественную собственность на них! Их пароль: Трудовая Республика!

Мы не отрицаем мирной борьбы, но только как условия для незначительного положения трудящихся, но мы говорим всем труженникам и эксплуатируемым: „дело ваше выбирать между положением сытого раба и между положением хозяина самому себе. Но если вы не хотите быть рабами капитала, рабами землевладельцев, если вы хотите быть собственными господами своего труда и своих взаимных отношений, то у вас для этого есть один путь—оружие в руки для борьбы с миром тунеядцев и богачей....

Покушение на убийство ген. Хорвата.

Весна! Веселый ясный день Первого мая. Солнце красиво разливает свои яркие лучи по бухте «Золотой Рог», разгоняя своими ясными лучами света, непроглядную темную ночь, показывая свои мощные основы красного круга, как бы говорило, что оно несет с собою свет и радость для всего существующего на земле, как будто знало, что в этот день, день первого мая честные люди пытаются заменить темноту невежества-светлыми, чистыми идеалами свободы, равенства и братства. Но черные тучи, приплывшие из гнилого империалистского угла, наводят пасмурное настроение и отворачивание рабочего люда к тому, кто оставляет за собой кошмарную память.....

Это было в 1919 году во Владивостоке, в тот самый ясный день Первого мая, когда черные вороны слетевшиеся со всех сторон света, почуяв добычу русского лакомого куса, со своими кровавыми замыслами, набросились на бедный многострадальный русский народ, с целью порабощения, насилия и угнетения его.

В этот великий день, великий праздник труда, международные хищники совместно с русским бандитом Хорватом и К-о хотели одеть овечью шкуру, и перед лицом рабочего мира, замаскировать свою звериную сущность, чтоб убедить международный класс труда, что у них нет ни каких кровавых замыслов, что они друзья народа и т. д.

Палачи вздумали спровоцировать массу. И вот на площадь ипподрома в „гнилом углу“ собрались все ставленники международных грабителей, где Хорват перед лицом это-

го наемного мира и посредством их, призывал трудящихся внять его речам и помочь ему в его кровавых замыслах, грабежа и водворения царства интернациональных бандитов. Он позволил себе говорить именем «социалиста», он говорил, что несет свободу рабам. Какое кощунство! Это мог делать только тупоумный генерал Хорват, говоря народу о свободе труда и насаждая реакцию путем белого террора. И он предполагал, что эта подлость этот обман ему пройдет безнаказанно. Эта наглость отразилась на рабочих массах и рабочие, протестовали, и негодованию их не было предела....

Чтобы сорвать маску палачей, чтобы воодушевить массу к восстанию — по постановлению Боевой Организации Максимальистов был вынесен смертный приговор генералу Хорвату в день первого мая. Осуществить этот приговор взялись добровольно два смельчака, два самоотверженных борца за великое дело грядущего царства — труда и справедливости.

Два террориста в 1 час дня, направились к месту парада, к ипподрому. Они пошли веселые и радостные, питавшие надежду, что этот приговор им удастся привести в исполнение, их не пугал предстоящий им эшафот и пытки, ибо они заранее постановили свою жизнь на карту, и не считались со своими личными интересами, для них было только одно — освобождение поработанного общества от гнета и произвола наемников капитала.

Они направились выбирать место, где лучше произвести приговор над палачем. В 2½ часа дня, на углу Ермаковской улицы на возвышенности над Светланской улицей,

около перил, террористы стали вдвоем с бомбами и наганом в карманах, ожидать возвращения с ипподрома в город генерала Хорвата; третий товарищ стал на квартал сзади, на сопке для отступления, бросающим бомбы. Ждали четыре часа сорок минут, пока покажется едущий на автомобиле каратель. Что должны были переживать бойцы, в ожидании исполнения ими террористического акта,—это было тайной для всей проходившей мимо их праздной обывательщины, возвращавшейся с «торжества», которым она слишком была увлечена. Никто не обращал внимания на стоявших революционеров. Буржуазия насытившись речами «спасителей» шла с уверенностью, что революция побеждена, что нет больше тех, кто бы протестовал бы против их пошлого торжества, готовивший взрыв страшной угрозой разразился над миром торговцев и предателей, напоминая им: „Memento mori!“

В 7 часов 10 минут вечера из «гнилого угла» появился трамвай, за ним вслед, приблизительно в 30 шагах, показался автомобиль, на котором зоркий глаз одного из бойцов заметил длинную, как метла седую бороду Хорвата, раздуваемую ветром по обоим плечам и закрывающую его золотые наплечники, слов-

но желая скрыть их, от взора народных мстителей. Но вот приблизился автомобиль и в середину его со свистом полетела бомба, но шофер, заметя взмах руки прибавил газу и бомба ударилась сзади на фардек автомобиля. Ввиду того, что бомба была секундная, а не ударная, этим была выиграна жизнь Хорвата. От сильного толчка бомба огскочила кверху, упала на панель и разорвалась, не повредив автомобиля и «милых» пассажиров. От сотрясения воздуха, с головы Хорвата, слетела фуражка, но голова к сожалению осталась на плечах. Вторая же бомба, брошенная вторым террористом, упала вслед за автомобилем и тоже не достигла цели.... Бойцы печально посмотрели вслед удалявшемуся автомобилю, и направились по намеченному пути от места взрыва, с наганом в руках, прочищая себе дорогу от праздной публики.

Как ни печально, но Хорват остался жив. Товарищи, бросавшие бомбы скрылись. Но факт тот, что маска была сорвана с лицемеров и трудовой народ показал, что он не верит царским генералам, фабрикантам и всей буржуазной сволочи. На их лживые слова и обещания народ отвечает террором.

Г. Красильников.

Нина Михайловна Лебедева.

За последние два года, в народную жизнь нашей Дальневосточной окраины, вплелось много сказочного, героического. Действительность перепуталась с вымыслом.

Целые томы рассказов, о подвигах партизан в борьбе с японцами, о героической смерти революционеров на эшафо-

тах, о чудесно спасшихся от казни товарищах—все это передается из уст в уста и создает в народе легенды. Легендарностью окружено и имя нашего товарища Лебедевой.

В связи с совершившимися событиями в Николаевске, в газетах появилось имя Нины Лебедевой занимающей пост

начальника штаба Николаевского округа. Одно уже то обстоятельство, что начальником штаба является женщина, окружало это имя каким то ореолом.

Многие задавали мне вопрос, что это за женщина, от куда она, какой партии и т. д. Вызывая у многих чувство симпатии, уважения и восторженности товарищ Лебедева получила по своему адресу не мало, неслучайных, незаслуженных, нападков и оскорблений и клеветы.

Имя Жанна-д. Арк смешалось с названьем авантюристки и демагога.

Подвижницы—революционерки с именем искательницы приключений. И это допускалось не только буржуазными кругами, но и в революционной среде.

Мне как близкому другу Нины Михайловны Лебедевой и ее старому товарищу по партии и революционной работе,—слишком больно слышать все эти инсинуации по адресу товарища, посвятившего себя революционному делу.

Я должен сказать, что ни героиней, ни подвижницей, а тем более авантюристкой, тов. Лебедеву назвать нельзя и все нападки на нее вызваны той популярностью, которой она пользуется в рабочей и партизанской среде, как революционерка.

Нина Михайловна родилась в Пензенской губернии, где провела детство и училась в гимназии. Со школьной скамьи она попала в тюрьму, и в начале Европейской войны была осуждена на вечное поселение с лишением всех прав, в Сибирь за принадлежность к Максимальистам. Как протекла ее жизнь в ссылке говорить не буду, скажу только что личная жизнь Нины сложилась неудачно.

В начале 1917 г. мы встретились и познакомились в Чите, куда попали после амнистии я из каторги, а Лебедева из ссылки. Оба мы принадлежали к одной партии. Среднего роста, с умным выразительным лицом, развитая, начитанная, преданная революционному делу она с первой встречи производила приятное впечатление. В это время мы, как и Спиридонова, Каховская Терентье-

ва, Сошников и ряд других Максимальистов, работали в рядах партии С. Р.

Но когда, после отъезда Маруси Спиридоновой политика партии С. Р. в связи с большевистским выступлением пошла по пути соглашательства—мы максимальисты решили выйти из партии и организовать союз максимальистов для борьбы за советскую власть. Одним из главных основателей, Читинского союза максимальистов, была Нина Лебедева, отдавшаяся партийной работе. Так в непрерывной революционной работе промелькнуло почти полтора года, когда нам пришлось бежать из Читы от семейских банд. Нина Михайловна, как секретарь гор. Совета рабочих депутатов, так же принуждена была скрыться и перейти на нелегальное положение.

Во время атаманщины, Лебедева работала в Благовещенске, в подпольной организации и принимала самое активное участие в подготовке вооруженного восстания в Благовещенске. Смелая, решительная—она была незаменимым товарищем и среди многих рабочих ее имя незабыто до сих пор. Летом 1919 г. Лебедева, благодаря предательству одного провокатора Ст-ва переехала в Хабаровск, где также продолжала с прежней энергией революционную работу, исполняя обязанности секретаря, подпольной организации и поддерживая связь с партизанскими отрядами.

Кровавый разгул Калмыковской банды, когда за Лебедевой гонялись десятки шпионов, узнавших о ее деятельности заставил, ее бежать в Николаевск, где ее застал переворот.

Теперь Лебедева выбрана начальником штаба и членом Военно-революционного комитета. Ее популярность среди партизан огромная.

Нина Михайловна Лебедева состоит членом Николаевского Союза С. Р. Максимальистов.

На мой запрос по прямому проводу: „правда ли, что ты стала коммунисткой?“

Нина ответила я была и осталась максимальисткой, сторонницей Трудовой Республики.

Жуковский.

ТЕРРОРИСТЫ

(жертвою павшие)

Драма из жизни Соц. Революц. Максималистов, в 3 х действиях.

(печатается с разрешения автора).

Действующие лица:

Гарин — студент.
Маня — курсистка.
Молотов — студент.
Костя — рабочий
Круглова курсистка.

Колька — рабочий
Филиппов-Фельдшер.
Петр Ильич — следоварь
Доктор тюрьмы

Санитар
Надзиратель
Начальник тюрьмы
1 й солдат
2 й солдат.

Действие 1 е. В квартире студента Гарина;

2 е и 3 е в тюремном лазарете.

Действие 1-е.

Квартира студента Гарина. Комната средней руки. Две двери, прямо и слева. Два окна, одно из них завешано темной занавеской. Стол, несколько стульев. Конспиративная квартира социалистов революционеров.

Явление 1-е.

(Гарин и Маня готовят комнату для заседания. Завешивают окна темными занавесками, ставят стол на середину комнаты, расставляют вокруг стола 8 или 9 стульев.)

Гарин. — Маня, а это окно? Чего же ты скорей, голубушка!

Маня. — Сейчас, сейчас, Миша. Не все сразу. Сейчас все будет в порядке, не нервничай (завешивает второе окно).

Гарин. — Стол сюда, по прежнему. Так, стулья, бумагу, перо, чернила — все как всегда. Готово. Ну хорошо. (опускается на стул.) Ох, тяжело Мавюлочка, такая тяжесть на сердце, какой кажется никогда не испытывал. Нервничать, дрожу весь. Как новичек волнуюсь. Что это значит? Исполняли же такие поручения, как это, и бывало работаешь с легкой душой, да еще как то радостно, с подъемом духа. Так же на смерть идешь и ничего себе, а тут... Ох, что то не доброе чую. Неприведи Бог неудача!

Маня. — Ну этого то я не ожидала. Это Миша, мой Миша! Боевик и испытанный, прешенный в схватках революционеров и такие рассуждения. Миша ты ли это, голубчик мой?

Гарин. — Я Маничка, я милая! Но сама подумай, утром получил, а вечером приведи в исполнение, да еще что. Ну пусть бы обыкновенная работа в виде прокламаций, агитации, пропаганды, или еще что, но это... крупный террористический акт... сама подумай. Надо суметь организовать, поставить правильно дело. Не рассчитанный шаг, малейшая ошибка, и сам зря погибну и тебя, и всю дружину ни за что погублю. А если уж гибнуть, так гибнуть не зря.

(звонок длинный, два отрывистых и опять длинный.)

Маня. — Наши. Начинают собираться. (убегает в среднюю дверь.)

(Гарин вынимает из кармана телеграмму, перечитывает, вздыхает, качает головой, кладет телеграмму в карман и ходит по комнате)

Явление 2-е.

(Входит Молотов, Костя, Круглова и Маня. Вся компания шумно заливается в комнату)

Молотов. — (Вместе с Костей и Кругловой) Товарищу Гарину — нижайшее, глубочайшее.

Костя. — Миша, здорово. (вместе)

Круглова. — Михаил Иванович, здравствуйте.

Гарин. — (Подавая всем руку, недовольно). Товарищи, нельзя же так! Сколько раз на сходках говорили, что приходиться надо по одиночке, тихо, спокойно, деловито, стараться не навлекать подозрений.

Ведь сразу наверное видно, что в мою квартиру собираются. Любому полицейскому это в глаза бросится. За нами ведь больше, чем за ворами следят. Нагрянет полицейская свора и накроют.

Круглова.—Ну нет товарищ, мы пришли осторожно. Имеем опыт, не первый раз. Чего, чего, а это сделать сумеем. Вот и сейчас, я будто бы больная, вот этим платком повязалась (*показывает белый платок*), а Костя меня вел будто бы к доктору—вашему соседу.

Костя.—Да это немного комично, но за то мы были вне подозрения. Она охает, а я ее веду и уговариваю. Подошли к вашему дому, остановились у докторской бланки на дверях, прочли ее внимательно, как будто учим наизусть, а потом зашли.

Молотов.—А я после их зашел с черного хода и что мы втроем в одну квартиру—никто не видел, дом большой, квартир в нем много, к тебе ли, к другим ли идем—кто знает?

Маня.—Ну хорошо, хорошо, довольно оправдываться, у нас все молодцы, все опытные. Это он, сегодня, почему то дрожат, все ему не ладно.

Гарин.—Ах, Боже мой! Не дрожу я. Тут такое важное дело, во что бы то ни стало нужно собраться исполнять поручение, а она...

(*Звонок длинный два коротких и длинный*).

Маня.—Еще наши. А вы садитесь, господа, чего стоите. (*убегает*).

Костя.—Ну, что такое важное, Гарин?

Гарин.—Телеграмму я получил. Действительно важная. Потерпите, товарищи, несколько минут, все соберутся я и объясню. Скоро, наверное, соберутся, не знаю все ли будут, а быть нужно обязательно всем. Дело, в котором заинтересован весь кружок, и за которое придется отвечать головой...

Явление 3-е.

Колька и Маня входят.

Колька.—Ну здорово, друзья! В чем дело? Мне Гришка сказал, что тут вопрос жизни и смерти стоит. Я бросил работу, мастеру сказал, что у меня мать умирает, хотя матери то у меня и нет, но эту весьма уважительную причину я выставляю всегда, когда мне приходится уходить с работы—и убежал. (*раскланивается со всеми*.)

Маня.—Садитесь, Николай, вот здесь. Что это паза не идет. Всегда такой аккуратный, а тут... (*Уходит в двери налево*).

(*Колька сел*.)

Круглова. А в городе что-то делается. Впервые вижу, чтоб генерал-губернатора так встречали. Триумфальную арку у вокзала поставили, зеленью ее изукрасили, жителей по городу флаги заставили развесить. Собор, управу, банки, казначейство разукрасили, иллюминация будет вечером. Не понимаю, к чему такая торжественность. Вся полиция по городу носится, чистоту наводит... смешно смотреть.

Колька.— (*С злой иронией*) Хм... нельзя же... Князь ведь, генерал-губернатор, за подавление революции, облаканный царем, придворный прихлебатель и вдруг встреча без торжественности, без барабанного боя. Здесьние узурпаторы, небось, все от губернатора, до последнего городского, третий день дрожат, как в лихорадке.

Гарин.—Они дрожат или нет, а нам дрожать придется.

Колька.—А нам то он что, нам его не встречать, не козырять ему. Жаль вот бедных солдат. Поезд придет в четыре часа дня, а их подыали в четыре часа утра. Я не далеко от казарм живу, все вижу. Ни свет, ни заря, все спят еще сном непробудным, а их несчастных уже муштруют по плацу, репетицию парада делают. Орут целыми ротами „здравей желай вам сыне“... и вот теперь выстроили от вокзала, до собора шпалерами и держат голодных на солнцепеке.

Молотов.— (*вздыхает*) Ох-хо-хо... и темен же народ у нас. Оденут это серенького мужика в серую шинель, вручат ему винтовку, выбьют из него сознание человеческого достоинства, превратят в автомата, внушат, что они сила и власть, он и дрожит. Перед ротным командиром слова не может выговорить, а не то что... И вот тут такой же человек едет, а ему внушили, что это сам вершитель судеб, власть от Бога и его помазанника Николая Романова, черт бы их побрал, кровопийцы...

Круглова.—Ну довольно, а то вы разведете ругань.

Молотов.—А что не правда. Посмотрите, сколько дураков в городе, как к празднику какомунибудь великотор-

жестованному готовятся. Все старухи и те к вокзалу ковыляют, а кто помоложе давно уж там. Толпа там теперь собралась. На митинг, наверное, столько не соберешь. Э! и тьма же... скоро ли свет озарит нас? Работаем, работаем, жизнью рискуем, а просвета все еще не видно. Прямо таки сомнение берет, руки опускаются, скоро ли будет польза от работы вашей. Где же им внушить, что доброе. Борются с произволом самодержавия очень не многие идут, а вот его высокопревосходительство генерал-губернатора князя Шамилова лицеизреть, да криками ура приветствовать, так стотысячная толпа собирается. Нечего уж говорить про встречи Николая Кровавого...

Гарин. — Довольно! довольно, не возмущайся, а то ты загорячишься, начнешь ораторствовать и забудешь, что и стены слышат крамольные речи.

Молотов. — Эх...и когда это проснется сознание народное, и когда он терпеливый и многострадальный заломит дубинку на царя и на прочих властей.

Колька. — Брось, Молотов, и так горько смотреть кругом и так больно за народ, а ты еще тут... (махнул рукой) Мне вот крайне интересно-в чем дело, зачем мы собираемся. Товарищ Гарин, можно узнать?

Гарин. — Подождите, ради Бога, несколько минут, какие вы нетерпеливые, узнаете, не рады будете.

Явление 4-е.

(Входит Филиппов)

Филиппов. — (громко по военному) Здорово молодцы! (все от неожиданности вздрагивают, Гарин вскакивает).

Филиппов. — Что это у вас двери настуж? Собираетесь обсуждать дело, за которое если узнают, всех на перекладину вздернут, а не бережетесь. Что вы на тавцы чтоли собираетесь? Полицию в гости пригласить хотите? Она придет и без приглашения.

Гарин. — (Бежит к левой двери и кричит) Маня, Манька... с ума ты сошла, двери открытыми оставила?!

Явление 5-е.

(Маня бежит из левой в переднюю дверь). Маня. — (На ходу). Ах, Боже, мой, вот рассеянная-то! (скрывается).

Гарин. — Рассеянная не рассеянная, а не совсем выдержанная. В лапах у жандармов еще не была. Я, или вот Иван Алексеевич, небось, не рассеюсь.

Филиппов. — Да, брат, после Сибири, да тюрем, да всего того, что мы перетерпели не рассеешься. Волей не волей, как пуганная ворона шкурой дрожишь, на скорпионов, как волк смотришь.

Явление 6-е.

Петр Ильич и Маня.

Маня. — Вот еще одного встретила. Я к дверям и он тут. Испугал даже. Лезет из темноты, я думала что сыщик. (идет к Филиппову). Палочка, я с тобой не поздоровалась, прозвала когда ты вошел, здравствуй. (целует его).

Петр Ильич. — Прямо, как бараны заранее встречают. Здорово, пролетарии всех стран! (Здоровается со всеми за руку и на ходу говорит) Ну заговорщики, бандиты, дерзающие ниспровергать существующий строй и с ним ныне благополучно царствующий дом Романовых всей России и проч, и проч. Что нового? Меня Гришук напугал, мчусь, говорит во весь дух, всем говорит, обязательно надо быть.

Гарин. — Да почти уже все. Кого нет? Михальченки, Сидоровой и Гришки.

Петр Ильич. — Гришка не придет, Сидорова, как вы знаете, серьезно больна, а Махальченко вчера вечером укатил в Москву, следовательно, тоже не будет. (сел у стола)

Гарин. — Ну, значит в сборе.

Звонок один длинный. Все насторожились, притихли).

Гарин. — О, это не наш, тише господа! Маня, сбегай, если меня скажи дома нет и скоро не буду.

Маня уходит. Большая пауза. Гарин и Филиппов идут к двери и слушают).

Явление 7-е.

(Входит Маня).

Маня. — Это к тебе, Миша, купец приходил за прощением. Хотела его пригласить для разнообразия, все таки представитель буржуазного класса был бы, а то все пролетарии. (все смеются).

Гарин. — Ну, товарищи, за работу, медлить нельзя! Спасибо, что дружно собрались. Дело действительно серьезное. Такое дело, какого наша дружина и не мечтала получить.

(Все садятся вокруг стола. Гарин в центре. Филиппов сел в стороне.)

Гарин.—Дело вот в чем. Сегодня в 8 часов 30 минут, я получил телеграмму следующего весьма невинного содержания: „Вавилова Маша опять собирается к Людмиле и вам. Если они придет, будь добр, сегодня опять снова повтори с нею попытку удержать отъезд Людмилы, все вещи убери, удержи дома обязательно. Отец не послан, надемся исполнишь. Желаем успеха Дружину“. Это, как видите, шифрованная телеграмма. По четвертому шифру читаем через два слова следующее: „Шамилов к вам придет сегодня, повтори попытку Людмилы, убери обязательно, руководитель не послан, надеемся исполнишь, желаем успеха. Центральная организация“. Попытку Людмилы, вы все, конечно, знаете. Это попытка застрелить Шамилова. Попытка не удалась. Людмила погибла, а Шамилов до сих пор здравствует. Так вот теперь на нашу долю, друзья мои, выпало убрать Шамилова, и теперь весь вопрос в том, чтобы Шамилова убить и если погибнуть и самому, то не зря, как погибла Людмила. (Пауза.) (Все сидят почти не шевелясь, тишина напряженная). Вот я и созвал вас, мои боевые товарищи, испытанные соратники. Все мы бывали в переделках, все мы стойкие борцы, истинные сыны трудового народа. Нам... нашему кружку, центр поручил такое ответственное дело. Материал у меня есть. План я выработал. Обсудим не волнуясь. Если план примите мой, так по моему, а нет, так, может быть придумаете более подходящий. Во всяком случае, кто-то из нас сегодня, или назовется счастливец, или как и незабвенной памяти товарищ Людмила—погибнет. Кто-то из нас отомстит Шамилову и за народ и за Людмилу. А убить Шамилова это—значит наверняка умереть и самому. Убьешь ли себя, убьют ли сразу, или по приговору все равно смертушки едва ли минуешь.

Молотов.—И пусть! Я уверен, что из нас никто не дрогнет. Все мы давно готовы в любой момент.

Гарин.—Погоди, Молотов. Я знаю, что вы готовы, на всех надеюсь, как и на себя. Все вы уже имеете опыт в работе партии, на то мы и террористы. Вот только Маня у меня не была, не имеет опыта, за нее только я и опасался.

Маня.—Мяш, дай и мне возможность доказать партии, насколько я верный член ее. Дай мне возможность работать с вами.

Молотов.—Ай да Мария Ивановна!

Гарин.—Ну нет, Маня, так нельзя.

Филиппов.—Что ты, дочка, ты куда лезешь? Я с Михаилом пойдем, а ты сиди да помадывай, успеешь быть полезной для партии и в другой работе, а на это дело так же решаются—это не шутка.

Гарин.—Погоди, Маня!.. План мой, товарищи, таков: встанем все с начинками и револьверами на посты и кому удастся, тот и мсти. Не буду учить, как надо поступать, сами прекрасно знаете, да кроме того, дело само покажет, как действовать. Разверстка же такова: нас семь человек...

Маня.—Восемь—меня считай.

Гарин.—Эх, Маня.. ну ладно... (К Филиппову) Отец, как ты?

Филиппов.—(Растроганный подходит к Мане). Маня... дочка моя... милая моя... в мать вся. Та вместе со мной в Сибирь пошла, и ты такая же ярая... Бог тебя благословит... Иди Маня (целует ее в лоб).

Круглова.—(Подходит к Мане, целует ее) Милая моя, ты с нами, и ты на гибель готова, и ты за страдающий народ, товарищ (всклинула).

Колька.—(Машнув рукой). Эх бабье... сейчас вой начнется...

Гарин.—Маня, Вера. Не место и не время слезоизлияниям. Слушайте же. М-м-м нас восемь. На вокзале нельзя, не доберешься. Значит двое у арки, двое у собора, двое на углу Заводской и Широкой, один на Торговой площади и один у губернаторского дома... Как теперь. По жребию встанем, или по желанию? Может быть кто предложит лучший план? Нужно детально обсудить. Говорите господа?

Костя.—(Встает и нервно отрывисто говорит). Друзья мои! Разговоры тут лишние, не первый раз смотреть смерти в глаза, не первый раз идти на смерть. Нечего там рассуждать. Времени осталось слишком мало, приступайте к делу. Если центр обращается к нам—убить Шамилова, значит нужно. Невоючьейнибудь жизни, но нужно, ибо гибель одного из нас, мелких и не заметных, погубит крупного, видного палача, спасет от гибели тысячи людей и ото-

мстит за кровь погибших борцов от его кровавой руки (пауза). Не буду и я говорить. Если центральная дружина предписала, а мы не исполним, откажемся, значит—запишемся в трусы, а мы ими не были и быть не должны. План и разверстка, товарища Гарина, хороши. Я предлагаю жребьевку, как и всегда. Гарин, давай жребий и гончено...

Гарин.—Правильно. Маня, давай ярлычки и шапку.

(Маня уходит в левую дверь и возвращается с шапкой и ярлычками).

Петр Ильич.—(Вдруг быстро встает, громко стучит стулом, решительно). Давайте. Я готов без жребия. Мне все равно... Никто обо мне не заплачет.

Колька.—Спокойнее. Петр Ильич! Не надо волноваться, не вы один, все идем и следовательно жребий необходим.

Костя.—Да... товарищи, жребий необходим. Только по жребию... Самое святое дело. Жребий пусть распределит кому встать, кому час пришел, кому еще нет.

(Филиппов, Гарин и Круглова нарежут ярлычки, пишут на них и свертывают в трубочки. Маня сидит наблюдает за ними. Костя и Колька шагают по комнате, Молотов с Петром Ильичем отошли в сторону).

Молотов.—(Петру Ильичу). Вы смотрите не волнуйтесь, засыпаетесь. Помните прошлый раз, когда прошли с прокламациями к солдатам, мы были вне всяких подозрений, а вы что то там состроили, и за вами погоня. Нельзя же так.

Петр Ильич.—Голубчик мой, как же мне было не убежать, когда меня остановили и хотели схватить, а у меня ведь триста штук было.

Молотов.—И потом, как вы оделись! Следите, как солдаты по форме одеваются, так и вы, вы кажется, и ксзурять то по солдатски не умеете. Пропагандируйте лучше рабочих, а в войсках опасно.

Гарин.—Ну готово становитесь в круг.

(Все становятся в круг Гарина, держащего шапку. Гарин трясет шапку и командует).

Гарин.—Раз... два... три.

(Все запускают руки в шапку, вынимают по ярлычку и читают)

Молотов.—Торговая площадь!

Круглова.—На углу Заводской и Широкой.

Гарин.—У собора!

Костя. Мне у губернаторского дома!

Маня.—Угол Заводской и Широкой. С тобой Вера!

Филиппов.—У собора!

Петр Ильич.—У арки я!

Колька.—Я тоже у арки!

Костя.—Господа... товарищи, все это хорошо, но на пост Заводской и Широкой угадали две женщины, а это, согласитесь сами, важный пост. Там очень удобно бросить бомбочку, хотя с балкона управского дома и поэтому там нужны опытные, а туда попадают женщины, да при том, одна из них еще не была на опасной работе, она может растеряться, или пропустить Шамилова, или навлечет на себя подозрение и все пропадет.

Круглова.—Эго товарищи, нас с Маней обижают. Разве мы, хотя бы я например, прошлой работой не доказали, что мы, женщины, умеем бороться наравне с вами. Разве не мы вместе с вами идем в Сибирь, в тюрьмы, на виселицы, на расстрел. Разве мы не умеем твердо держать револьвер в руках.

Колька.—Да, мы согласны с вами, товарищ Вера, но тут идет разговор о неопытности Марии Ивановны.

Гарин.—Да это правда. Как же сделаться. Вот что, отец, отдайте, вернее обменяйтесь с Маней местами. Пусть она со мною будет.

Филиппов. И правда. У собора едва ли удастся что либо сделать, а я возьму Заводский, я старик мне все равно. Молодых жалеть надо. Они нужны будут в будущем... На Маня... Иди с Михаилом к собору... (Меняется с Маней номером, целует ее отечески лаская).

Гарин.—Ну, товарищи, сейчас достану бомбочки, разделим и в путь.

(Лезет в подполье. Все окружили подполье. молчат. Гарин достает ящичек—шкатулку, бережно передает в руки Молотова и говорит:)

Ой Молотов! осторожнее, ведь тут двенадцать штук. Уронишь—весь дом разнесешь в щепки и от нас клочка не останется.

(Молотов несет шкатулку и тихонько кладет на стол. Вся компания подходит за ним. Гарин открывает шкатулку).

Гарин.—Вот она закуска для бюрократов. Получайте, братцы, смертоносные ящички за подписью с нашей обложкой.

тесь. Крепче держите (раздает по одной бомбочке). Имейте ввиду, вы несете смерть. Ради Бога осторожнее, иначе и сами погибнете и невинную кровь прольете. А и молодцы же я посмотрю! Вот полюбавлась бы центральная организация, как провинциальные работники приступают к террору. Обрекли себя на смерть, ради блага народа, и идут на гибель твердо, решительно и хладнокровно, как будто не убивать и гибнуть самим, а за раут к Шамилеву собираются... и молодцы! так и следует, раз назвался груздем, так полезай в кузов, и так крепитесь, братцы, не волнуйтесь, толкайтесь в толпе, как и все и незаметно протискивайтесь в первый ряд. Разевайте рты, орите ура, подтягивайте под окрестр „Боже царя храни“... словом, на это время, играйте самых рьяных монархистов (Пауза) Смотрите—не допускайте малодушия. Помните, что вы гибнете не напрасно. Вы предвещаете революции. Вы подготавливаете небывало

—огромную по размерам революцию. Трон Романовых уже шатается, падение его не минуемо, он скоро рухнет. Каждый наш шаг как гром разражается в мнимой тишине. Это понимают тираны, это начинает все больше и больше сознавать народ. Прошлая революция даром не прошла. Все кто пал в этой неравной борьбе—ведаром пал. Впишите и вы кровью свои имена в список, павших за свободу и верте—народ не забудет вас, оценит жертву вашу. Идите же вперед титаны духа, вырывайте щупальцы у гигантского струта—самодержавия и да будут ваши, доселе негаметные имена славными в истории борьбы за братство, равенство и свободу. (Пауза) Идите герои... Прощайтесь и на работу (общее движение).

ЗАНАВЕС.

А. И. Вобликов.

(Продолжение следует).

Памяти М. И. Соколова (Медведя)

(казнен 2 декабря 1906 года).

На встречу буре ты летал,
Кружась в волнах ее стихии
Врагом, сраженный гордо пал
За счастье трудовой России

Спи с миром, юноша—герой,
Спи, гордый мученик народа!
Уже витают над землей—
Равенство, братство и свобода.

Горят дворцы, разбиты троны,
Буржуй изогнан навсегда,
Мы разорвем его законы
И установим власть труда.

Радочим—фабрики, заводы,
Мужик управится с землей,
И станут братьями народы
И заживут родной семьей.

Из поколения в поколение
Промчится весть в родном краю:
Во имя общего спасенья
Сложил ты голову свою!

Жуковский

Памяти С. И. Шумилова.

Сергей Полуэктович Шумилов, родился в 1883 году 14 октября в г. Пензе. Родители его были бедные: отец служил приказчиком и, как большинство в то время, за свой труд с восьми утра и до 10 часов вечера, получал мизерное жа-

дованье; а мать его почти все время хворала, так что малецкому Сереже (у него не было ни братьев, ни сестер) приходилось самому быть за хозяина дома: он ходил на базар, закупать провизию, кормил домашнюю дичь, убирал

в комнатах, а иной раз, даже готовил обед. Восьми лет С. П. поступил в приходское училище, хотя мечтой мальчика было поступить в гимназию, „сделаться доктором, лечить и помогать бедным людям“. Но... как это у нас часто и бывает, за неимением денег у его родителей, ему пока что, пришлось удовольствоваться только приходской школой. Кончив ее одним из лучших учеников, он поступил в городское училище. Хорошо учась, помогая матери в хозяйстве, он успевал и очень много читать. Будучи еще 16 лет он уже стал интересоваться политикой, а к окончанию городского училища (18 лет) уже был подпольным работником. К этому же времени, его родители уехали из Пензы в Самару и С. П., поступив в землемерное училище, остался жить и учиться в Пензе. В этот период, жизнь его была чересчур трудная: родители, которые и сами кое как сводили концы с концами, высылали ему денег только на хлеб, а на карманные расходы, на одежду, на учебники, ему приходилось зарабатывать самому, перепиской и подготовкой учеников. Любя математику, отдавая ей много времени, он все таки не бросил, за неимением времени, своей работы в партийной организации. В одно прекрасное время, о этой его работе узнает отец, быстро собирается и приезжает в Пензу. Здесь у них произошла крупная ссора. Отец—монархист не мог допустить и мысли о том, чтобы его сын вдруг был „политическим преступником.“ Кроме этой ссоры с отцом, ему приходилось, чаще еще переносить их из за этого же, и со своей теткой.

В одном из кружков, где собиралась трудовая интеллигенция: художники, литераторы, студенты практиканты и, отчасти, партийные работники, С. П. встретился с молодой вдовой А. И. Бирюковой, у которой было трое детей. Не кончив еще землемерного училища, 20 ти лет, он на ней женился.

Под давлением отца и тетки, с одной стороны, и заботы о семье с другой, ему пришлось выйти из партии и окончательно увязнуть в житейских заботах. По окончании землемерного училища, он получил назначение землемером в г. Барнаул Томской губ. Здесь он приобрел дом и хотел заняться, кроме службы, домашним хозяйством, но его неспокойный дух все тянул его на новые

места (он хотел попасть на Амур, на Камчатку и т. д.) Прожив в Барнауле до 1908 года, он перевелся в Благовещенск и стал усиленно и много работать по своей специальности и заниматься математикой, благодаря чему быстро поднимался по служебной лестнице. Одав время он увлекся изобретением какой то новой астролябии, но недостаток средств, не дал ему окончить начатое изобретение. Обладая громадными познаниями из математики, и интересуясь своей специальностью, им были проведены в жизнь некоторые применения вычислений в области землемерного дела.

С революции 1917 года С. П. опять начинает попрежнему выступать, как партийный работник.

При начале советской власти у нас в Благовещенске, он (выдвинутый партией соц. рев. максималистов и левых с. р.) занимал должность заведывающего (комиссара) землемерно-технического отдела комиссариата земледелия, а затем, как хорошо знающий земельный вопрос и нужды крестьян, был председателем земельной коллегии и часто оставался, при отлучке комиссара земледелия (который очень часто бывал в отлучке, или занят другими делами), за него.

Когда в Благовещенске видные политические деятели советской власти решили бежать, то многие из них (особенно тов. Петрушев) уговаривали и его ехать с ними в тайгу, но он категорически отказался, говоря: „Помочь вам в военном деле я не могу (он без очков почти ничего не видел), так как из меня—плохой солдат и я буду только обузой, а так как я никого не убивал и не грабил, то и меня не убьют, потому что людей—зверей нет, и если и посадят в тюрьму, то все равно скоро опять будет народная—советская власть и меня выпустят“. Так он говорил, но его словам „людей-зверей нет“ и „скоро выпустят“ не суждено было исполниться.

На второй день воцарения в Благовещенске белой гвардии тов. Шумилова арестовали. Из переднего дома, где жил лесничий—белогвардеец, два дня до ареста все время следили белые галы: не побежит ли? Арестовывать его пришел целый отряд под начальством его же бывшего сослуживца—зем-

лемера Антонова. Когда он сидел в тюрьме, то ему опять предлагали просили бежать, но он наотрез отказывался.

26 марта 1919 года вечером их в числе 18 человек, под предлогом, что берут на допрос в контр-разведку, выдали офицерам и японцам под начальством прапорщика Понамаренко, которые за

городской больницей в брошенных ямах кирпичных сараев совершили кровавое кашмарное дело.

На теле С. П. Шумилова оказалось 9 от пуль и три в грудь штыковых ран. Сии мирным своим милый папа!

Вечная память тебе, дорогой товарищ и работник.

В. Бирюков.

За что они погибли?

Это было не так давно. Солнечные лучи зимнего дня догорали за ближайшей сопкой, вблизи которой раскинулась небольшая деревня с узкой улицей. Тут же, около, стоял лес, украшенный серебром мороза; стоял и, как будто, о чем-то думал. С догорающими лучами солнца, весь мир замирал,—все уходило на отдых, от дневной суеты и забот.

Все уснуло... все молчит,—все потонуло в плотной пелене тумана.

Расположенный в этой, засыпающей деревне, партизанский отряд, получил приказ быть наготове. Партизаны сидят в домах и коротают время веторопливой беседой. Выставленные посты и секреты внимательно следят за всем, и чутко прислушиваются ко всякому шороху.

Начало второго часа ночи. Мороз, как будто, боясь за то, чтоб не вырвали из его владений все, что он завоевал, сковывал все больше и крепче свои цепи холода, прикрываясь туманом.

Не простояв 15-20 минут на посту, новый выставленный часовой, услышав саванный скрип и ржание лошадей, почувствовав жидкое место. Напряг все свое внимание, слышит:—„Боршевику это деревня муного, муного есть? Боршевику плохо, японски хорошо“. Все отчетливей и слышней доносились до часового возгласы „желторожих макак“, как называли их партизаны. Едва он успел сообщить подласку, как где-то близко от него по воздуху ударил резко и коротко тугий хлыст:

Тью—у-у у!.. После этого еще и еще.

Где-то на краю деревни затрещали ружейные выстрелы.

Туман гасил каждый звук, схватывал его влажной рукой, и от этого выстрелы казались слабыми и далекими.

— „Наступление“!—растерянно мелькнуло в голове Хворова и, пригибаясь к земле, он побежал вперед.—„Простя воля!“...

Увязая по колени в снегу, он бежал прямо на встречу пролетающим в тумане пулям, без мысли, без сознания т. е. определенного понимания ко всему окружающему. Есть только стремление вперед, звериная быстрота наблюдательности. Привычные руки делали свое: щелкают затвором, спускают курок, вдавливают новую обойму....

И как всегда, вид этой плотной линии—чуждой непонятной, враждебной, толкнул Хворова странным и сложным чувством какого-то сладкого ужаса, тоски и злобы...

Хворов торопливо, вдавил новые пять патронов, и пять лихорадочных новых толчков в плече дали возможность чувствовать, что он выпустил все пять пуль, и уже некогда было поставить новую обойму—так близко и жутко выплыли в тумане, красные от холода, возбужденные и страшно чуждые лица.

Ура-а-а!!!—вспыхнуло где-то вправо—перекинулось в средизе и отдалось на левом фланге, уходя в сопки, теряясь в волну, ломанных звуковых струн аккорда а-а а!!!

Ничего не чувствуя, только ища выхода щемящей, страшной злобы и тоски Хворов бежал вперед, судорожно сжимая винтовку.

Ура-а-а!!!—кричал дико и смело кто-то рядом с Хворовым.

Как бы второй отозвался ему Хворов и в тот же момент крепко ударился в чье-то упругое, твердое тело, сбивая с ног.

Как во сне, он слышал какие-то крики, какой-то лязг, видел фигуры падавших и вскакивавших и, ничего не понимая, что, и зачем он делает, резким движением стряхнув со штыка, засевшее на нем тяжелое, тело он побежал вперед...

Неожиданно, на минуту мелькнуло перед ним худощавое, бледное с неестественно выпученными, полными ужаса глазами, чуждое лицо за коротким дулом тяжелого револьвера. Не думая и совершенно не отдавая отчета—Хворов падающим движением выставил перед плечом винтовку со штыком, кинулся на него, вдавливая штык во что-то мягкое, хрупкое...

Над ухом беспощадно ударил выстрел, почувствовалась тупая боль, хлестнувшая кожу шеи. Хворов обернулся, перехватил винтовку и прикладом наотмашь ударил по стрелявшему в него; тот свалился и показалось, будто упал совсем, но в следующий момент японец, низко пригибаясь, схватившись за ушибленную голову рукой и, неся в другой винтовку, зигзагами бежит в сторону. Хворов, не желая упустить своего врага, бежит за ним, чувствуя, что где-то далеко сзади от них стоял рев и гул, трещали выстрелы, и крик дикий, звериный, крик людей тяжелой тучей стоял над поляной... Вдруг, противник вильнул в сторону и обернувшись выстрелил с колена. Пуля ударила в подсумок, отскочила с визгом и жгучая боль контузии обожгла бок партизана.

— „Ах ты, желтолицый черт! ты меня?“ охнул Хворов, и изо всей силы, размахнувшись прикладом винтовки, страшным ударом раздробил ему плечо.

Неистовая боль исказила окровавленное лицо, и видно было, что теперь кроме этой боли, для него ничего не существует. Равнодушный ко всему, даже к самой смерти, он завыл и, подхватив здоровой рукой пораженное место сел.

Сила с какой обрушился Хворов на японца свалила его самого.

Как будто просыпаясь, он увидел себя в трех шагах от врага, схватив руками то место, где пуля разворотила его заносенную кожу...

Так они сидели друг перед другом, забыв, что несколько минут назад они были враги, забыв, что они были во власти какой-то стихийной агонии, вих-

ря подхватывающего и уносящего куда-то вдаль зла, ненависти, коварства...

Казалось, что все это случилось давно, пронеслось как сон, как вихрь в котором они только, что кружились, как в таяще смерти.

Все тот же туман...

Нельзя было понять куда итти? Направо или налево? и вообще где сидят сейчас два человека, страдающие каждый своей болью?..

После острого экстаза, в котором злое чувство самосохранения заставляло стремиться к убийству друг друга,—наступило полное беззлобие и сострадание. Не осталось и следа яростного, звериного чувства, с каким они дрались, потом гнались, рая один другого. И быть может долго бы просидели они в таком состоянии, но жгучие боли их сроднили и пододвинувшись плотнее один к другому они сделали один другому перевязки.

После перевязки, японец сочувственно покачал головой, указав пальцем на рану Хворова и себе в плечо и вопросительно посмотрел на партизана. — „Ну да, ты“ понял „тот, кому же больше? твоя работа, на то и война. А все-же с твоей стороны не честно сам наутек, а опосля этого на колени и бах из винтовки. Коли сежишь значит сдаваться должен... За то и я тебя!“...

И так мирно сидели и говорили мимикой, случайно встретившиеся враги в силу каких-то обстоятельств, оторванные от родных и близких друзей. Они понимали один другого. И тоска о доме, о родине захватывала их в свою власть, унося в грезы несбыточных фантазий.

В этих думах о близком, родном, от усталости, от потери крови и от боли, притупившейся до привычного ощущения, плотно прижавшись один к другому, тяжело дыша задремали. Потом незаметно для каждого, покрытые густым туманом мороза, жадные, озябшие, скорчившиеся, как обиженные дети, они уснули вечным непробудным сном на пуховой белоснежной перине, забыв все горечи нанесенных обид. И так уснули они... один за право рабочих, беднейших крестьян и всех обездоленных, голодных, замученных тюрьмами, веками угнетенных капиталистами, другой за Макара, угнетателя, купцов и князей.

пославших его непонимающего, что он воюет за чуждые, непонятные ему интересы.

И, так, не стало двух жизней, которых разделяли две противоположности—свобода и рабство. Но смерть—сбросив его враждебной, темной и непонятной

силы зла, облизала... сроднила их и взяла в свои объятия, неразгаданных людьми всего мира.

Так и на утро нашел их, сроднившийся, под покровом ночной мглы выславный дозор из трех партизан...

Коля Максималлист.

Корень зла.

Если человек родился в бедной, честной семье рабочего, или крестьянина, то чтоб жить, он привужден с детства трудиться.

Трудиться, надо иметь где, на чем.

Земледельцу нужны поля, рабочему—фабрики, заводы, приказчику магазины. Но все это в руках у небольшого числа лиц находится. Каким образом это произошло, касаться не буду, скажу только, что опять-таки все богатства трудом созданы, а своим трудом один человек, или семья ни миллионов, ни десятков тысяч, не создадут—значит богатства и достались богачам с чужого труда.

Большинство крестьян, все рабочие, все служащие вынуждены, чтобы жить,—обратиться к тем, у которых земли, фабрики, заводы деньги, магазины. Если бы эти владельцы не брали с крестьян аренды, платили бы рабочему полностью за труд, то ясно, что никакой прибыли у них не было бы. Однако же прибыль помещиков, фабрикантов, купцов,—громадная, значит они берут чужой труд. Доходы генералов, князей, царей с налогов и податей, то есть с труда рабочих и крестьян берутся.

Если мы скажем, что лишать человека доходов его труда, назы-

вается воровством,—то значит всякая прибыль с капитала, всякий нетрудовой доход—есть воровство, обирание рабочего до последней нитки.

Позвольте, но ведь есть капиталисты, которые тоже трудятся? Да, есть. И тогда их доход состоит из двух частей, одна за их труд, другая, которую они получают без личного труда, доход с капитала, т. е. с чужого труда.

Но зато капиталисты рискуют капиталом, могут потерять миллионы, а рабочим терять нечего, говорят люди в защиту капитала.

Неправда! рабочий рискует больше. Если фабрикант, у которого тысяча рабочих, ведет плохо свои дела—и фабрика останавливается, то фабрикант с голоду не помрет, у него есть знание, у него есть родные, друзья, приятели,—его устроят. Вместо сотен тысяч, он будет получать десятки.

Другое дело рабочие. Когда фабрика хорошо идет, они еле-еле пребываются, кое как. Когда же, по неумению хозяина, фабрика остановилась, тысяча рабочих—безвинно осуждены голодать.

Капиталист в производстве не нужен. Самые сложные и трудные дела ведутся наемниками капитала—управляющими, директорами. Доход

е капитала есть, не имеющая оправдания, кража чужого труда.

Одни недополучают того, что своим трудом производят, и потому осуждены на недоедание, на нищету, на постоянные заботы о куске хлеба, о завтрашнем дне, на то чтобы плодить бесправных детей, видеть, как они растут обездоленные, лишенные радости и света.

Другие с чужого труда получают богатства, излишки, имеют сво-

боду жить и действовать, и пред их детьми открыта дорога ко всякой жизни.

Вот где главный корень всякого зла.

Необходимо устранить этот корень зла.

Для этого нужно—все фабрики, заводы, шахты, рудники, магазины, капиталы и землю передать в руки рабочего народа для общего пользования, для общего блага.

Возможна ли социальная революция?

Ни один трезво мыслящий революционер, не будет утверждать, что какой-либо общественный строй может быть заменен другим общественным строем в мгновение ока, или хотя бы в течение нескольких дней и даже месяцев. Если в настоящее время, целый ряд трезво мыслящих социалистов, говорит о наступлении социальной революции, то этим они выражают лишь тот взгляд, что настоящий момент является критическим, что в настоящее время совершается перелом и в пору буржуазного строя общества двигаются такие камни, которые послужат фундаментом для социалистического строя. Враги социализма мечут громы на всех тех, кто указывает на наступившее начало конца буржуазного строя и на наступающее в человеческом мире царство социализма.

Борьба против социализма, ведется не с меньшей страстностью и не с большей разумностью, чем в былые времена велась борьба против освобождения южно-американских негров, или русских крепостных.

Захребетники человеческого рода не останавливаются не перед какими мерами, чтобы сохранить все мрачные принадлежности буржуазного строя и не только для себя, но даже для своих отдаленных потомков. По истинне, слабые буржуа, хотят увековечить все несообразности, составляющие неотъемлемую принадлежность буржуазного строя! Какое стремление к вечному у творцов скоропортящихся и быстро снашиваю-

щихся продуктов капиталистической промышленности! Какая трогательная забота о том, чтобы и будущие поколения жили в мире „борьбы всех против всех!“

Снабженные учеными дипломами, прихвостни буржуазии говорят об утопиях безответственных социалистов, имеющих смелость проповедывать наступление социальной революции. Как осторожны в своих предсказаниях и действиях буржуазные ученые и „реальные политики“, несущие ответственность перед такими страшными судьями, как Бог, история и (о ужас!)—их собственная совесть!

Ведь, только благодаря этой осторожности, буржуазные ученые, на основании точных цифровых данных, так безошибочно предсказали, что мировая война не может продолжаться дольше нескольких месяцев!

Буржуазные мудрецы и ясновидцы призывают к самым решительным мерам против всех воюющих в „общую“ смету: большевиков, максимальистов и анархистов, имеющих дерзость отвергать неизбежность предвечного существования буржуазного строя, ведущего к физическому и духовному вырождению людей и к истреблению природных богатств и красот. Буржуазные мудрецы готовы жечь на кострах всех тех еретиков, которые вместе с римским ученым Плинием осмеливаются напоминать „сколько много считают невозможным, пока оно не осуществится“.

„В. Т.“

Николаев.

Революционный Клич.

Из Николаевска № 68 агевтская 312 слов 16/7 16—19 5—20 г. № 180.

Москва Совнарком, Омск, Иркутск, Красноярск, всем Исполкомам. Наша ок-
райна, которая представляет собой, как
бы маленькую Дальневосточную Респу-
блику, заключающую в себе район Ни-
колаевска, Охотска Керби, Андыра, Аму-
ра до Хабаровска, не смотря на то, что
оторвана от своей матери России—Со-
ветской Республики твердо решила не
покладать оружия и не допускать зем-
ства хозяйничать, коему решила объя-
вить беспощадную войну и мы готовим-
ся к этой войне всеми силами и лихо-
радошно работаем, чутко прислушиваясь
к голосу Российского пролетариата. Мы
строго проводим в жизнь все мероприя-
тия начерченные Российской Советской
Властью и организуем свою хозяйствен-
ную жизнь по примеру России и путем
создания трудового фронта, мы так же,
как Российские рабочие крестьяне, уве-
личили свой день до 12 часов, так же
работаем по праздникам, устраиваем тру-
довые воскресники, стремясь восстано-
вить, разрушенную белыми, хозяйствен-
ную жизнь, а главное, приготавливаясь к
войне, мы сами делаем снаряды и па-
троны и даже пулеметы; желая исполь-
зовать все производительные силы края,
мы объявили всеобщую трудовую по-
вину и создали армию труда. Моби-
лизовав всех женщин и мужчин воз-

враст от 16 до 55 лет. Все силы распре-
деляются согласно рода труда по про-
изводствам. Организацию трудовой ар-
мии, поручаем исполнить комитетам и
военному комиссариату; во главе ее
стоит особое бюро. Первую очередь при-
ступлено к выработке специально бое-
вых припасов, в портовых и других ма-
стерских, которые были совершенно за-
брошены, теперь производится выработка
снарядов боевых припасов как то: па-
троны, снаряды, разного рода и выраба-
тывается другой боевой материал необ-
ходимый для армии. Организованы об-
ширные мастерские, вырабатывающие
обмундирование для армии. Все необхо-
димые для нее снабжения, восстановле-
ны все заводы и мастерские приготов-
ляют снасти для ловли рыбы и засола
ее. Приступлено к заготовке продоволь-
ствия для населения района. Работа про-
ходит при помощи подъема и энергия
всех трудящихся, создающих тяжесть
переживаемого момента. Готовы отдать
все силы и самую жизнь для работы,
как на боевом и трудовом фронтах. На
завтра назначен день обороны для про-
изводства работ в порту, привлекается
все трудоспособное население города по-
головно.

Командующей армией *Триплицы*,
начальник штаба *Нина Лебедева*, заве-
дывающий информационным отделом
Яхонтов.

Партийная жизнь.

Ст. Бочкарево.

1920-го года мая 7 го дня состоялось
собрание инициативно-организационной
группы С. Р. Максимальистов, составив-
шейся при ст. Бочкарево с. Алексан-
дровского, в составе которого вошли
т. Галыгин—член партии С. Р. Макси-
мализмов,
т. Гавриленко—беспартийный,

т. Плеханов—Лесовой член партии С. Р.
Левых,

т. Воронин—сочувствующий С. Р. Мак-
симальистам,

т. Никитин—сочувствующий С. Р. Мак-
симальистам.

Обсудив положение по текущему мо-
менту, а также и о значении партии С.
Р. Максимальистов, пришли к убеждению,
что необходимо в данный момент, неме-

дневно организовать группу Максимальщиков.

В один из ближайших дней, сделать объявление—призыв к Т. т. С. Р. левого течения, Максимальщикам, а также и сочувствующим для регистрации таковых и постановки регулярной работы группы.

Ст. Шимановский (Гондатти) Ам. ж. д.

Протокол № 1 от 14 апр. 1920 г.

Заседание союза С. Р. максималистов и левых. На собрании присутствовало 20 человек.

По вопросу о соединении левых эсеров с максималистами—решено организовать союз С. Р. Максимальщиков и работать совместно, под флагом максималистов, впредь до соединения с Советской Россией.

Большинством голосов постановлено избрать президиум из пяти членов. Избранными оказались: товарищ Докучаев, Серобаба, Долженко, Ездовцев, Шевмохин, кандидаты к ним: Я. Соколов и И. Агафшин.

Членский взнос определен в 100 рублей, вступительный пятьдесят руб.

Г. Благовещенск Отчет по постановке спектакля союза С. Р. Максимальщиков в Общественном собрании, 20 марта 1920 года. Приход: от продажи билетов—89950 р., от буфета—89530 р. 50 к., от вешалок—2485 р., пожертвовано: гр. Овчинниковым—500 р., гр. гр. Соловьевым и Пяккер—350 р., гр. Диденко—25 р. Итого—173840 р. 50 к. Расходу по театру—76005 р. чистой прибыли—97835 р. 50 к.

Резолюция по текущему моменту, принятая общим собранием Зейской группы социалистов революционеров максималистов. Заслушав доклад по текущему моменту, в связи с выступлением японских империалистических войск в Приморской области,—постановили: До вести до сведения трудового народа всего мира, что мы все под ружьем и бдительно охраняем завоевания революции и всякому покушению на Трудовую Советскую Республику дадим должный отпор.

Председатель Н. Кобылкин.

Секретарь П. Меховиков.

ТЕЛЕГРАММА.

Союзу Максимальщиков гор. Благовещенск. Организовавшаяся в городе Зее

группа Максимальщиков, приветствует товарищей области и края. Вполне разделяем тактику к власти и происходящим событиям в Приморской области и выражаем пожелание о созыве областного партийного съезда в самом ближайшем времени.

Председ. ком. Н. Кобылкин.

Тов. председ. ком. Вакуленко.

Секретарь Махованов.

Письмо товарища из Зей.

Товарищи, при сем прилагаю денег десять тысяч рублей, посылаемые Областному Бюро в распоряжение, из сумм единовременного взноса.

Посланный вами журнал „Голос Максимальщика“ №№ 1, 2, 3 и 4 нами получены и бесплатно разосланы по деревням и приискам. Общее собрание постановило, 50 экземпляров журнала каждого номера, бесплатно рассылать по району.

Из членских взносов 50% будет высылаться в распоряжение Областного Исполнит. Бюро Союза. По мере возможности, снабжайте нас литературой, здесь совершенно голод в этом отношении, до сих пор во всей Зее не удалось достать не единой брошюры. Чаще информируйте, а самое важное, необходимо знать наши взаимоотношения с коммунистами (большевиками). Еще просьба, для усиления средств Союза, имеем ввиду поставить спектакль; вопрос в пьесе. Подыщите что-нибудь приличное. Желательно из революционного быта. Не доставите ли пьесу Бориса Амурского „Кошмар жизни“. Шлите, если можно, с подателем, или почтой.

Привет от всех и всем товарищам.

С товарищеским приветом **Н. Кобылкин.**

16 мая 1920 года,

г. Зей.

На общем собрании с. р. максималистов г. Благов 22 и 23 мая, после долгих и горячих прений по текущему моменту, вынесены следующие резолюции:

Резолюция по текущему моменту.

(Принятая большинством).

Русская, рабоче-крестьянская революция, развилась и окрепла под красным знаменем социализма, и установив в России диктатуру трудящихся—тем самым взяла на себя руководство международной трудовой революцией.

Но враги рабочего класса—помещики, фабриканты, заводчики, банкиры и

генералы и империалисты, потерпев позорное поражение в открытом бою—против революционных советов и не отказываясь от гнусных намерений—уничтожить родину социалистической революции—Советскую Россию, напрягают все усилия в лице буржуазной Польши, чтобы задушить нашу свободу на западе, в то же время пытаются наглым образом, опираясь на японских жандармов, свергнуть Советскую Власть, заменив ее „зелено-розовой“ властью земства и демократического офицерства.

Здесь, на Дальнем Востоке, мы стоим перед совершившимся фактом сдачи наших революционных позиций, чему во многом способствовала мягкотелая и нерешительная политика революционных вождей во Владивостоке, которые оделали большую ошибку тем, что не установили сразу Советской Власть, а допустили к власти земцев, что и было использовано интервентам в своих интересах.

Не входя принципиально в соглашения и договоры с Европейскими банками и японскими интервентами и относясь отрицательно к созданию буферных государств, хотя бы и в виде демократической республики, как формы правления, не отвечающие заданиям социалистической революции—мы соц. рев. максимальисты, принимая во внимание:

1) что для Советской России, вовлеченной в войну с империалистической Польшей—было бы слишком тяжело вести новую, еще более тяжелую войну на Дальнем Востоке,

2) что технические силы противника превосходят наши,

3) что трудовой народ Дальнего Востока, пережив длительный период борьбы с палачами революции нуждается в передышке, чтобы подготовиться к новой борьбе,

4) не желая в такой тяжелой и ответственный момент, своими активными и обособленными действиями и выступлениями разжигать революционные массы,

5) считаясь с совершившимся фактом уже образовавшегося буфера под названием „Дальневосточной Республики“, санкционированной центральным советским правительством, не в то же время подчеркивая, что этот договор и

создание буферного государства, ничего народу не принесут, а явятся лишь тяжелейшим испытанием для него—мы социалисты революционеры максимальисты, стоя на страже интересов трудящихся масс временно вынуждены выше указанными условиями, с болью в сердце согласиться на возможность переговоров о вхождении Амурской области в буферную зону. Но в интересах гарантии сохранения революционных завоеваний, мы максимальисты считаем необходимым—выставить следующие условия:

1) Центром новосоздающейся республики должен быть Верхнеудинск, как пункт, лежащий у границ Советской России.

2) прекращение интервенции, т. е. вывод японских захватчиков из нашей территории,

3) полное невмешательство интервентов в наши внутренние дела,

4) отказ японцев от поддержки капеллевских и семеновских банд,

5) сохранение и неприкосновенность нашей армии и ее вооружения,

6) заключительный договор должен быть санкционирован для Амурской обл. Съездом Советов.

В случае нарушения, или непризнания этих пунктов, мы с. р. максимальисты считаем себя свободными от всяких обязательств и договоров, и поведем самую активную—революционную борьбу, как партизанскую, так и террористическую, со всеми интервентами и врагами „рабоче-крестьянского дела“. Мы будем звать широкые массы народа к защите Советской Власть от всякой узурпации.

Мы верим, что широкие массы трудящихся, по нашему зову встанут с оружием в руках на защиту дорогого нам дела свободы, если революции будет грозить ваглый буржуй и интервент.

Долой интервенцию!

Да здравствует мировая революция!

Да здравствует власть труда!

Резолюция по текущему моменту, предлож. тов. Золотаревым.

(Максимальиста)

Ввиду создавшегося междоусобицы политического движения, которое является преступным походом буржуазии со всех концов на Советскую Россию,—Союз Соц. Рев. Максимальистов, намерен-

57

ет своих прежних принципов и постановлений по отношению Буферных государств, диктуемых русскому трудовому народу, международными империалистами. Мы Максimalисты, как группа до сих пор, шедшая передовым авангардом за Социальную мировую революцию—выразительницу стремлений трудовых масс, борющихся за Власть Трудовых Советов, никогда не можем мириться и отступать от заветов данных нам, погибшими товарищами, от рук палачей, с созданием каких бы то ни было др. правительств, возглавляемых палачами трудовых масс, генералами и приспешниками буржуазии на Русской территории вообще и на Дальнем Востоке в частности, имея ввиду факты ложно-миролюбивых заверений Японией и их вероломных нападений на трудящихся Сибири, как это было в Николаевске, Хабаровске и др. городах Приморской обл., где гибли от рук японских жандармов сотни безвинных детей, жен.

Принимая во внимание вышеизложенные неопровержимые факты, Союз Максimalистов не может более доверять, каким бы то ни было мирным предложениям, обещающим лучшие условия жизни беднейшему крестьянству и трудящимся молота и мисла со стороны мягкостелого земства, или Демократической Дальневосточной Республики.

Стоя всегда и в дальнейшем на страже завоеванных кровью и потом свобод, мы Максimalисты, будем продолжать оказывать сопротивление вместе с тру-

дящимися классами империалистическим хищникам, подавляющим и угнетающим весь мировой пролетариат, путем широкого призыва всего трудового населения Амурской обл. к защите Советской Власти, информируя теперь же о создавшемся положении. Вместе с тем объявляем всей, как русской, так и иностранной буржуазии, самую беспощадную борьбу, вплоть до террора, не щадя своей жизни.

Мы требуем немедленного открытия военных действий на Дальнем Востоке и на Западе России, где посягают на Трудовую Власть, польские паны и помещики и японские жандармы.

Мы требуем скорейшего ухода жандармских войск Японии, как ненужных и разлагающихся паразитов, с Сибирской территории.

Полное невмешательство, во внутренние устройства наших политических прав.

Да здравствует единый социалистический фронт!

Да здравствует социальная мировая революция!

В виду серьезности вопроса, окончательная резолюция будет вырабатываться на областной конференции с. р. максimalистов 29 мая.

29 мая назначена областная конференция С. Р. максimalистов, с участием представителей от максimalистских групп г. г. Свободного, Зей, ст. Шимановский, Бочкарево, и Завитая, Решению подлежит вопрос: „Текущий момент и буферное государство.“

БИБЛИОТЕКА

ИМЭЛ

от ЦК ВКП(б)

Объявление.

Редакция журнала „Голос Максimalиста“ помещается в клубе „Интернационал“ бюро максimalистов. Всю корреспонденцию просим направлять в Бюро Максimalистов на имя тов. Урбановича и Жуковского.

Цена 50 руб.

Редакционный Коллектив.